

ства, то от использования тех или иных форм в значительной мере зависит успех государственной деятельности. Формы призваны обеспечивать наиболее целесообразное выполнение функций государства. Многообразие задач и функций государства обуславливает существование различных форм государственной деятельности, которые предусматриваются законами и иными правовыми актами.

Юридические формы регулирования общественных отношений под влиянием объективно-диалектических и волеустановленных факторов развиваются в содержательном и видовом смысле, что дает основания выделять наряду с традиционными и новые подходы к их систематизации.

Правовое регулирование общественных отношений, во-первых, обеспечивает опосредование правом различных неправовых, но нуждающихся в юридической регламентации общественных явлений, во-вторых, означает способ существования и выражения содержания норм материального права, реализуемый в ходе позитивного юридического процесса, в-третьих, характеризуется деятельностью субъектов правоотношений с соблюдением установленных законом правил и процедур.

Мархгейм Марина Васильевна,
д.ю.н., профессор, заведующая кафедрой
конституционного и муниципального права
Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

КОНСТИТУЦИОННАЯ ПРИСЯГА В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Длящаяся через века идея должным исторически востребованным образом упорядочить общественные отношения привлекала и продолжает притягивать исследователей – представителей различных наук. С помощью соответствующих социальных норм – морали, религии, обычаев, традиций, права – учеными предпринимаются (с разной степенью успешности) попытки вскрыть проблемы и потенциал регуляции общественных отношений, деятельности людей, их поведения. Философы, теологи, правоведы делают свойственные их науке выводы относительно воздействующей силы «их норм». При этом высказываются весьма убедительные аргументы в пользу того, что востребован «научно-интегративный подход к изучению соционормативной культуры, а это значит, что там, где можно и нужно, научное знание будет состыковываться со знаниями ценностного, нормативного, телеологического порядка для того, чтобы внести все возможные краски в общую картину духовной гармонизации общества»¹. Представляется, что именно такой подход наиболее адекватен исследованию феномена присяги.

Анализ словарных источников псказал довольно однотипные трактовки понятия «присяга»². Основываясь на упоминаемых в них признаках, предлагаем понимать присягу как официальную, торжественную и церемониальную клятву при поступле-

¹ Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М., 2008. С. 183.

² См.: <http://tolkslovar.ru/p20248.html>

нии на службу, вступлении в должность, получении статуса, выражающуюся в уверенности соблюдать верность, какие-либо обязательства. Применительно к конституционной сфере присяга может приобретать дополнительные черты, например, предусматриваться конституцией страны; получать конституционную формализацию текста иногда с упоминанием чего-либо священного и ценностно-значимого. В связи с присягой могут прописываться условия и порядок принесения, последствия не принесения или принесения с оговорками.

В поддержку предположения о продуктивности интегративного исследования присяги выступают, помимо прочего, подходы авторов, обратившихся к ее анализу. Например, она рассматривается в контексте обычного права¹, морально-психологических², исторических³, нравственно-воспитательных⁴ аспектов. Исследуется как юридико-символическое отражение культурных традиций⁵, правовое/общеправовое⁶ явление. Присяга изучается применительно к главе государства⁷, судье⁸, в том числе Конституционного Суда России⁹, высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации¹⁰, военнослужащим¹¹, государственным гражданским служащим¹² и служащим правоохранительных органов¹³. Реализуется исследо-

¹ Бетева М.М., Цховребова М.К. Присяга как вид доказательства по осетинскому обычному праву // *European research*. 2015. № 2 (3). С. 55-57; Абайханова П.И. Присяга в обычном праве Карачая // *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2014. № 2. С. 13-17; Турсунбаева Н.С. Институт присяги по нормам обычного права кыргызов в составе Российской Империи // *Вестник Кыргызско-Российского славянского университета*. 2015. Т. 15. № 1. С. 63-65.

² Ахмеджанова Г.Б. Морально-психологические аспекты понятия присяги // *В мире научных открытий*. 2010. № 5-2. С. 79-82.

³ Шилова С.Г., Гагкуев Р.Г. «Клянись Всемогущим Богом...»: присяга гражданской войны // *Новейшая история России*. 2016. № 1 (15). С. 256-274.

⁴ Диепров С.А. Роль военной присяги в нравственном воспитании курсантов // *Педагогическое образование и наука*. 2010. № 2. С. 44-47.

⁵ Русакова Н.Г. Присяга как юридико-символическое отражение культурных традиций // *Юридическая техника*. 2016. № 10. С. 453-456.

⁶ Никифоров М.В. Присяга (клятва) как правовое явление // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право*. 2001. № 1. С. 260-265; Русакова Н.Г. Присяга как общеправовой феномен. Автореф. диссер. на соиск. уч. степени канд. юрид. наук / *Нижегородская академия МВД России. Нижний Новгород*, 2008.

⁷ Хайретдинов Р.Д. Юридическая природа присяги, приносимой при вступлении в должность Президента Российской Федерации // *Конституционное и муниципальное право*. 2008. № 24. С. 13-16.

⁸ Мацкевич И.М. Судебная присяга // *Юридическое образование и наука*. 2016. № 2. С. 3-7.

⁹ Арановский К.В., Князев С.Д. Институт присяги судьи Конституционного Суда РФ: истоки, особенности, значение // *Журнал российского права*. 2011. № 10 (178). С. 134-141.

¹⁰ Ишеков К.А. Присяга высшего должностного лица субъекта Российской Федерации как фактор соблюдения региональной конституции // *В сб.: Политико-правовые технологии взаимодействия власти, общества и бизнеса в регионах. Материалы Международной научно-практической конференции*. 2010. С. 92-95.

¹¹ Пчелинцев А.В. Военная присяга и религиозные убеждения военнослужащих: в поисках компромисса // *Право в Вооруженных силах*. 2011. № 4 (166). С. 84-85.

¹² Малюгина Е.Л. К вопросу об антикоррупционном потенциале присяги государственного гражданского служащего // *Вестник научных конференций*. 2016. № 3-6 (7). С. 69-72.

¹³ Бережкова Н.Ф. Присяга в системе правоохранительных органов // *Право и государство: теория и практика*. 2008. № 3. С. 102-104.

вание присяги в контексте юридической¹, в том числе конституционной ответственности². Этим подчеркивается не только широта приложения присяги, но и многогранность ее содержательного сопряжения.

Проиллюстрируем общее и особенное в конституционном отражении присяги на примере России³ и 15 государств Восточной Европы⁴. Анализ проводился нами по четырем критериям: конституционная лексическая форма, конституционный субъект присяги, определенность и степень универсальности конституционного текста присяги.

Конституционные лексические формы рассматриваемой «официальной торжественной церемонии» представлены четырьмя принципиальными разновидностями – присяга, клятва, обещание, обязательство. Одновременно в конституциях используются эпитеты, подчеркивающие характер мероприятия – священная клятва (в Македонии – применительно к Президенту), торжественная клятва (в Латвии – применительно к члену Сейма;), торжественная присяга (в Хорватии – применительно к Президенту), торжественное обещание (в Латвии – применительно к Президенту), официальное обязательство (Кипр – применительно к президенту и вице-президенту). Иная характеристика – должностная – дана присяге в Конституции Эстонии. В двух государствах исследуемой группы стран – Босния и Герцеговина и Литва – присяга/клятва/обещание не упоминаются.

Конституционным субъектом присяги является, как правило, глава государства. Это присуще России (ст. 82) и 12 странам из рассматриваемой группы. При этом в текстах конституций присяга предусматривается также для вице-президентов (Болгария, Кипр), депутатов (Албания, Кипр, Латвия, Словакия, Чехия), сенаторов (Чехия), председателя правительства (Хорватия), правительства (Словения, Эстония), министров (Болгария, Польша, Румыния), членов правительства (Венгрия, Румыния, Словакия, Хорватия, Чехия), судей (Словакия, Чехия), судей Конституционного суда (Словакия, Чехия).

Определенность конституционного текста присяги представлена в трех вариантах – определенный, с элементами усмотрения и неопределенный. Первый из них наиболее типичен и выражается в том, что в конституционном тексте представлен точный текст присяги (Россия, Болгария, Кипр, Латвия, Румыния, Словакия, Словения, Чехия, Эстония); второй – допускает возможность по усмотрению присягающего произносить или не произносить фразу «Да поможет мне Бог!» (Албания, Польша); третий – указывает только на необходимость присяги, но без закрепления ее текста (Венгрия, Македония, Хорватия).

Оговоримся, что степень универсальности конституционного текста присяги в качестве критерия оценки корректна только для тех стран, где наряду с главой государства предусмотрены и иные субъекты присяги. Для них характерны три варианта

¹ Лисняк А.Н. Присяга (клятва) «чиновничества» в контексте развития института юридической ответственности государственных служащих в России // Инновации и инвестиции. 2015. № 8. С. 225-228.

² Очаренко Е.Н. Нарушение присяги как основание конституционной ответственности судьи // Проблемы законности. 2013. № 123. С. 237-247.

³ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с последующими изменениями) // www.garant.ru

⁴ <http://worldconstitutions.ru/?cat=8>

присяги – универсальный, специальный и отдельный. Первый реализован в конституциях Болгарии (идентичен текст присяги президента и депутатов) и Словении (совпадает текст присяги президента, председателя правительства и министров); второй – в конституциях Кипра (президент и вице-президент произносят идентичный текст присяги, а депутаты иной) и Чехии (депутат и сенатор приносят идентичную присягу, президент, член правительства, судья Конституционного суда имеют собственные тексты присяги); третий – в конституциях Латвии (президент и депутаты произносят разные тексты присяги), Словакии (президент, депутаты, судьи Конституционного суда, судьи приносят текстуально разные присяги), Эстонии (президент и член Государственного Собрания приносят разные тексты присяги).

Весьма интересные результаты дал анализ конституционных текстов присяги главы государства. Именно здесь в большей мере присяга раскрывается в качестве интегративного (то есть объединяющего, в нашем случае различные социальные нормы) способа конституционно-правового регулирования. Так, в конституционных текстах присяги президента наряду с типичными для юридической сферы словами употреблены и слова из морально-правовенного ряда. Этот подход наиболее распространен и использован в России («уважать» права и свободы человека, «верно» служить народу), Кипра («уважать» Конституцию), Латвии (почитать «священными») Конституцию и законы государства, обязанности исполнять по «доброй совести»), Румынии (посвятить все свои силы и умение «процветанию» народа), Словакии (клянусь своей честью и «совестью» в «верности» Республике), Словении («уважать» конституционный порядок, поступать по «совести»), Чехии (клянусь в «верности» Республике, руководствуясь «совестью»), Эстонии («верой и правдой» исполнять обязанности).

Обращение к Богу в конституционном тексте присяги главы государства представлено в Албании и Польше в диспозитивном ключе (президент «может» сделать дополнение: «Да поможет мне Бог!»), в Румынии – в императивном («Да поможет мне Бог!»).

В конституционном тексте присяги президента Болгарии использованы возвышенный стиль («во имя»), но характерные для юридического языка слова и обороты.

Дополнительной характеристикой, подчеркивающей значимость и ответственность присяги главы государства, является конституционное указание на то, кому приносится присяга и кто свидетель этого. Согласно Конституции России (ст. 82), президент приносит присягу «народу», в присутствии членов Совета Федерации, депутатов Государственной Думы и судей Конституционного Суда.

Как следует из конституций исследуемой группы стран, президенты приносят присягу не только народу (Эстония), но и председателю Конституционного суда (Словакия), председателю Палаты депутатов (Чехия). При этом большую конституционную конкретизацию получило то, где или перед кем приносится президентом присяга. Например, на заседании Сейма (Латвия), в Государственном собрании (Словения), на совместном заседании палат (Чехия); перед Собранием (Македония), перед Национальным Собранием (Польша), перед Палатой Депутатов и Сенатом на их совместном заседании (Румыния), перед Национальным советом (Словакия), перед пред-

седателем Конституционного суда (Хорватия), перед Государственным Собранием (Эстония).

Юридическая значимость присяги главы государства подчеркивается, на наш взгляд, путем конституционного закрепления последствий отказа принести присягу или принесения ее с оговорками. При этом такой, казалось бы, логичный путь оказался не типичным. Единственной из заявленной группы стран, которая конституировала такие последствия, является Чехия. В ст. 60 ее Конституции закреплено «Отказ президента республики принести присягу или принесение присяги с оговоркой рассматриваются как неизбрание президентом республики».

Подытоживая, отметим, что даже будучи закрепленной в конституции, присяга главы государства предстает, скорее, как традиционный церемониал, а не акцентирование сферы ответственности президента, нарушение которой влечет за собой вполне конкретные последствия. Это, на наш взгляд, есть дополнительный аргумент в пользу того, что конституционная присяга, объединяя в себе не только правовые, но и иные социальные нормы, осуществляет интегрированное конституционно-правовое регулирование соответствующих отношений. При этом необходимо иметь в виду, что любые суверенные решения государств, представленные в их конституциях, не корректно оценивать в системе координат «хорошо – плохо» или «правильно – неправильно». Это в полной мере касается и анализа текста присяги главы государства.

Тычинин Сергей Владимирович,
д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой
гражданского права и процесса
Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

ГРАЖДАНСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Юридическое оформление процесса перехода к рыночным отношениям в России на рубеже XX-XXI в. сопровождался полномасштабной модернизацией гражданского законодательства и завершился третьей по счету кодификацией в истории Российской цивилистики¹. Спецификой данного периода, как и двух предыдущих отечественных кодификаций, явилась необходимость преодоления социально-экономического хаоса². Гражданский кодекс вполне оправданно называют экономической конституцией³, призванного закрепить фундаментальные основы частноправовых начал регулирования имущественных и личных неимущественных отношений.

¹ Речь идет о реформах, завершившихся принятием кодифицированных актов: ГК РСФСР 1922 г., Основы гражданского законодательства Союза ССР 1961 г. и ГК РСФСР 1964 г. Кроме названных актов следует особо отметить кодификационные работы по подготовке проекта Гражданского уложения Российской империи и проекта Гражданского кодекса СССР (1938-1952 гг.).

² Маковский А.Л. О кодификации гражданского права (1922-2006). М.: Статут. С.41.

³ Медведев Д.А. Новый гражданский кодекс Российской Федерации: вопросы кодификации // Кодификация российского частного права/ под ред. Д.А. Медведева. М., Статут, 2008. С.5.